

О деятельности российского общественного деятеля М. М. Сперанского на посту генерал-губернатора Сибири, заключающейся не только в наведении порядка и борьбе с мздоимством, но в реформах системы управления, намного опередивших свое время.

М. М. Сперанский в Сибири и о Сибири

И. А. НОВИКОВА,
М. А. РОГАЧЕВСКАЯ,
*кандидаты экономических наук,
Сибирская академия государственной службы,
Новосибирск
E-mail: nia_55@mail.ru*

31 марта 1819 г. пензенский губернатор и общественный деятель М. М. Сперанский¹ неожиданно получает рескрипт императора о назначении его генерал-губернатором Сибири. Сперанский и его петербургские сторонники и друзья понимали, что новое назначение было продолжением ссылки. Но иначе это событие оценили сибиряки: в сибирской истории начиналась новая эпоха. Не только в Сибири, но и в Петербурге были люди, придававшие большое значение сибирской деятельности Сперанского. По мнению министра просвещения С. С. Уварова, история Сибири делится на две эпохи: первая – от Ермака до Пестеля, вторая – от Сперанского до XX века. И министр внутренних дел О. П. Козодавлев писал Сперанскому: «Не вас, но Сибирь поздравляю я с новым генерал-губернатором. В Сибири... – желаю вам мудрости змеиной и целости, или чистоты голубиной»².

Предупреждение министра было не лишним. Обстоятельства этого назначения были таковы.

¹ Подробнее об экономических и общественных взглядах М. М. Сперанского см.: ЭКО. 2008. № 8.

² В память графа М. М. Сперанского. 1772–1872. СПб, 1872. С. 234, 239.

В начале XIX века Сибирь разделялась на две губернии – Тобольскую и Иркутскую, подчиняясь генерал-губернатору. До Сперанского генерал-губернатором Сибири был И. Б. Пестель. Крайнее себялюбие, потворство своим любимцам, мстительность – такое впечатление произвёл он на сибиряков. После первого обозрения Сибири Пестель возвратился в Петербург и более там не появлялся, во всём полагаясь на недалёкого безнравственного губернатора Томска Д. В. Илличевского и на иркутского губернатора Н. И. Трескина – любимца, бывшего его правой рукой³.

Местное население страдало от притеснения чиновников, смотревших на Сибирь как на свою вотчину. Законы здесь фактически бездействовали, а самоуправство, побои и издевательства местных властей были обычным явлением.

Много лет население писало жалобы и доносы, но безуспешно, так как проверку по ним проводили сами виновники злоупотреблений. Но поток жалоб всё-таки достиг Сената. С 1815 г. Комитет министров неоднократно выносил решения о проведении ревизии управления Сибирью, однако А. А. Аракчеев, покровительствуя Пестелю, блокировал их. Но в конце 1818 г. Пестель впал у него в немилость, и император получил доклад о злоупотреблениях в Сибири, необходимости назначения ревизии и даже смены генерал-губернатора. Пестель был смещён.

Александр I подписал 22 марта 1819 г. Высочайший указ о назначении тайного советника М. М. Сперанского генерал-губернатором Сибирским. Ему предоставлялись самые широкие полномочия: он должен был одновременно выступать в качестве ревизора (выявлять истинное положение дел), генерал-губернатора (принимать надлежащие меры, обличать провинившихся, отдавать виновных под суд, исправить всё, что только возможно) и реформатора («сообразить на месте полезнейшее устройство сего отдалённого края»).

³ Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири. С 1819 г. по 1822 г. Т. 1. СПб., 1872. С. 5, 6, 9, 33.

«Встречь солнцу»

В мае 1819 г. Сперанский отправился по Московскому тракту к новому месту службы.

Своё пребывание в Сибири Сперанский называл *путешествием*, поскольку надеялся, что оно будет временным и сопряжено с постоянным перемещением. По пути он собирал сведения о порядке управления, что составляло его специальную задачу. Но в его дневнике, отчёте императору и правительству, письмах имеются важные заметки о тогдашнем положении населения Сибири, его быте и нравах, о природе, промышленности, земледелии, торговле и др.⁴

22 мая, проехав г. Камышлов, Сперанский сделал в дневнике запись: «Я — в Сибири». Он спешил «встречь солнцу», и вечером того же дня он уже был в Тюмени. Следующий день был посвящён обозрению города, судебных мест, острога и больницы. Представители купечества традиционно поднесли ему хлеб на серебряном блюде. Сперанский поразил их тем, что «хлеб у них принял, а блюдо возвратил»⁵.

Ночью 24 мая он уже прибывает в Тобольск — бывшую столицу всего Зауралья. Здесь Сперанский объявляет всем губернским правлениям: сибирский генерал-губернатор, «прибыв на место, вступает в отправление должности». И на следующий день приступает к ведению следствий по жалобам. Работает интенсивно, с раннего утра до поздней ночи, стремясь понять причины злоупотреблений и найти способы их дальнейшего недопущения. В Тобольске к экспедиции присоединяется сибиряк Г. С. Батеньков, инженер-капитан, занимающийся обустройством путей сообщения. Энергичный добросовестный работник стал его помощником и другом.

Сберегая драгоценное время, Сперанский лишь изредка позволял себе ночевать на ямщицких станционных дворах. Пользуясь любой остановкой, новый генерал-губернатор вступал в разговор с местными или проезжавшими людьми. Информация, полученная от них, бывала весьма существенной:

⁴ Все письма и дневниковые записи цитируются по: В память графа М. М. Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872.

⁵ В память графа М. М. Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. С. 18.

по мере углубления в Сибирь безнаказанность местных властей принимала всё более криминальный характер.

Он замечает, что Томская губерния по её природному богатству и климату могла бы быть одной из лучших в России, «но худое управление сделало из неё сущий вертеп разбойников»⁶.

Ознакомившись с жалобами, полученными по пути следования, Сперанский понял, что «здесь жалоб более, существо их важнее, чиновников не только способных, но и посредственных ещё менее и поэтому перемена их затруднительнее». Вёрст за пять до Красноярска на тракте его встретили купцы и чиновники. Но Сперанский, задержавшись в городе на 2–3 часа, спешит в Енисейск – главный город губернии. Город одарил неожиданной радостью: «Всё в порядке. Дел почти нет». Таких записей в дневнике ещё не было.

К его удивлению, приближаясь к Иркутской губернии, он перестал получать жалобы. Истина неожиданно открылась в Нижнеудинском уезде: люди «приносили жалобы, выбегая тайно на дорогу из лесов». Местный исправник Лоскутов перед приездом Сперанского отобрал у всех жителей бумагу и чернила. Жалоба на него всё-таки была написана, и поскольку люди смертельно боялись исправника, отличавшегося неимоверной жестокостью, передана двумя стариками преклонного возраста генерал-губернатору, который, прочитав её, на их глазах арестовал Лоскутова⁷.

После этого Сперанский немедленно назначил ревизию в уезде, которая показала, что поборы исправника своей изощрённостью и дерзостью сравнимы только с его репрессивными мерами. В ходе следствия у исправника было описано мехов, серебра и других ценностей на громадную по тем временам сумму – 132 242 рубля. Имущество Лоскутова было отправлено в Иркутское казначейство. Происшедшее потрясло Сперанского: «Здесь-то настоящая Сибирь и здесь-то, наконец, я чувствую, что Провидение, всегда правосудное, не без причины меня сюда послало. Я был здесь действительно Ему нужен, чтобы уменьшить страдания, чтоб оживить надежды, почти уже исчезающие, и ободрить терпение, слишком утомлённое»⁸.

⁶ Вагин В. Указ. соч. С. 47.

⁷ В память графа М. М. Сперанского. С. 227–228; Вагин В. Указ. соч. С. 13.

⁸ Вагин В. Указ. соч. С. 226, 247.

В Иркутске прибывшему генерал-губернатору устроили пышную встречу: губернатор Трескин и чиновники вышли ему навстречу в парадных мундирах, при орденах и со всеми регалиями.

Иркутск показался Сперанскому столицей. «Поутру очарование столицы исчезло, — пишет он дочери. — Остался обыкновенный губернский город, довольно многолюдный, торговый и опрятный».

Ревизорская деятельность

По приезде в Иркутск Сперанский поставил губернскую администрацию в известность, что, во-первых, он немедленно приступает к ревизии на основе данных ему сенатских инструкций; во-вторых, открывает следственную комиссию; в-третьих, доводит до правительства сведения о злоупотреблениях в Нижнеудинске.

Ему приходилось «разматывать клубок с медлительностью и великим терпением». «Всё, что утверждали в Петербурге о сибирских злоупотреблениях, все предчувствия... я нашёл здесь на самом деле. Но самое дно злоупотреблений есть Иркутск».

Работает Сперанский, не покладая рук; не доверяя местным чиновникам, и из соображения секретности вынужденный писать необходимые документы сам. Всё это время Сперанский живёт в Иркутске, посылая своих доверенных лиц для проверки поступивших жалоб.

Генерал-губернатор поражён громадностью подчинённой ему территории. Его буквально затягивают проблемы, которые приходится решать: «Четыре месяца я странствовал по Сибири... Нравственная, или лучше сказать политическая сторона сего края, местное управление его и род дел, на меня возложенных, превышают почти всё моё терпение; но чудесная сила здешней природы... заставляет меня забывать все трудности».

С приездом Сперанского сибиряки снова начали жить и дышать свободно. Самовластие, лихоимство и всякого рода притеснения стали прекращаться мерами власти, которая сделалась тем, чем надлежало ей быть, — защитницей, а не гонительницей населения. Его деятельность начинает пробуждать у людей

чувство собственного достоинства, освобождает их от унижительного страха, вселяя в них уверенность в своих силах.

Сперанский создал команду, состоящую из привезённых с собой помощников, местных честных чиновников и выпускников Иркутской гимназии, которым мог доверять. К нему стекалась информация от рассылаемых им по краю ревизоров. В начале февраля 1820 г. он выезжает из Иркутска, чтобы осмотреть «заморские» территории – забайкальские места, а также Кяхту и Нерчинск, «подлинно уже край света».

Кяхта – небольшой богатый купеческий город, торговые ворота в Китай и Монголию. Осмотр его казённых заведений привёл Сперанского в негодование: архив драгоценный – в амбаре; таможня – развалина, миллионы – на открытом дворе! Чиновники объясняли такое положение отсутствием средств, присылаемых из Петербурга. Из Кяхты он едет в Нерчинск. «Я буду первый начальник, посетивший Нерчинск, надеюсь, что путешествие сие будет полезно и утешительно обывателям этого края...»

Сперанский не перестаёт ужасаться тому, с чем ему приходится сталкиваться. Положение заводских крестьян мало чем отличалось от каторжных, всюду крайняя степень убожества. Позже, будучи в Петербурге, он будет настойчиво добиваться перемен в положении здешних рабочих.

«Как велика земля русская!» – записывал он в дневнике. Но и здесь те же нравы и обычаи, те же почти и пороки, но последние чем дальше, тем сильнее. Не знавшая крепостного права Сибирь, с лихвой вкусила жесточайшего ига – чиновничьего произвола.

Возвратившись в Иркутск, Сперанский приступает к завершению порученного дела. И, наконец, получает долго ожидаемую весть, посланную 11 июля 1820 г. из Царского Села: «Его Величество указать изволил вашему превосходительству прибыть в С.-Петербург к марту месяцу».

Спустя много лет, вспоминая о годах, проведённых в Сибири, Сперанский скажет, что она ему «стала своей», и служба на далёкой окраине не была напрасной. Если в Сибирь он ехал как в ссылку, то в его заметках о возвращении выражается удовлетворение выполненной трудной работой. Сибирь перестала быть для него «тюрьмою без решёток». Сперанский

близко воспринимал её проблемы и хотел сделать всё от него зависящее для улучшения положения сибиряков.

Проблемы управления Сибирью

Параллельно с ревизией Сперанский приступил к решению главной задачи – реформированию системы управления. Но скоро понял, что её придётся разрабатывать заново: «Двенадцать лет (срок генерал-губернаторской деятельности И. Б. Пестеля. – *И. Н., М. Р.*) без ревизии и без надзора достаточно, чтобы разорить и привести в беспорядок наилучше устроенную губернию, а Сибирь ожидала устройства, но никогда не была устроена».

Два года поездок и изысканий позволили Сперанскому глубоко понять местные нужды, на которых он и основывал новый план управления Сибирью. Попытки поспешного преобразования общественных порядков не могут дать нужных результатов: необходимы постепенность и последовательность. Только «порядок управления, местным условиям свойственный», может упрочить добро на долгое время. Главная задача местных органов власти – «поддерживать безопасность индивида и собственности». Следовательно, предстояло преобразовать личную власть администрации, «согласив её с гласностью», «охранив её от самовластий и злоупотреблений законными средствами» и, наконец, «учредить её действие так, чтобы оно было не личным и домашним, но публичным и служебным». «Ныне существующая система правления не соответствует состоянию общественного мнения, и пришло время заменить эту систему другою». Убеждение перерастало в уверенность, что «Сибирь достойна и по всем отношениям требует государственных соображений».

Завершая в 1820 г. ревизию, Сперанский представил отчёт императору. В нём нашли отражение факты и характер нарушений закона, и меры, которые предстояло принять. Успех возможен лишь в случае осуществления целого ряда реформ в системе управления Сибирью, план которых предстояло разработать в кратчайшие сроки.

Ещё находясь в Сибири, Сперанский испытывал нравственное удовлетворение от уверенности в том, что после реорганизации управления восточная окраина России предстанет, наконец, «совсем в другом... в новом истинном её виде».

Он глубоко вникает в проблемы Сибири, изучает различные стороны ее экономики, делает заключения относительно возможности и условий развития отдельных сфер деятельности.

Перспективы развития Сибири

В начале века правительство было встревожено резким падением доходов, получаемых казной из Сибири. Поэтому проведение реформ за Уралом отвечало стремлениям петербургских властей поднять их до привычного уровня. Именно это стало важнейшим мотивом «командировки» Сперанского в Сибирь. Ознакомившись с состоянием дел, он убедился, что «действительно образование сего края может представить выгоды и удобства, не только в частном благосостоянии, но и в казённых доходах, коих трудно найти в другом месте». Край настолько богат, что даже «злоупотребления, которые были велики», не нанесли ему ощутимого ущерба.

Сперанский обращал внимание на необходимость развития горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, распространение земледелия, улучшение условий жизни населения, особенно коренных народов, населяющих Сибирь. Подъём грамотности, культуры он считал обязательным условием. Сибири предстояло стать процветающей территорией России. Здесь есть для этого все условия, не хватает только знающих людей.

Находясь в станице Бянкиной на берегу р. Нерчи, впадающей в Амур, Сперанский заметил, что это «будущая важная пристань судам, плывущим в Амур». Для него было очевидным политическое, экономическое и военное значение Амура, а следовательно, и необходимость его возврата в состав Российской Империи.

Побывав во многих местах Сибири, Сперанский восхищается тем, что «в Сибири, говоря вообще, всем жить широко, земля довольно хороша и, следовательно, бедных меньше».

«Колыванский край есть действительно один из благословеннейших не только в Сибири, но и в целой России. Природа назначила его к сильному и богатому населению. Металлы составляют только часть, и можно сказать не самую важную часть, внутреннего его достоинства. И без них, при лучшем населении, он был бы прекраснейшею и обильнейшею страною. Все почти роды хозяйства, и в самом большом размере, могут быть в нём устроены».

«Технология выплавки металла из руды требует много древесного угля. Но когда край опустошат от лесов, то что в нём?» В этом его вопросе содержится и неутешительный ответ.

Земледелие и промышленность. Возить продовольствие для вновь осваиваемых территорий было дорого и трудно. Около 1763 г. в Барабинской степи поселили крестьян из помещичьих людей, которых брали вместо рекрутов⁹. На правом берегу Иртыша Сперанский увидел «прекрасные земли, которые весьма хороши. Земля, с обыкновенным разделением на три поля, производит здесь без перемены до 10 и 15 посевов; потом отдыхает лет пять». Выращивают зерновые – рожь, ячмень, овёс; овощи – репу, морковь, капусту, горох и т. п.

«Весь путь от Канска до Красноярска есть сад»; но «деревни бедны, грязны; обыватели большей частью народ пьяный и ленивый». Причиной бедности, объяснили ему, было предоставление новым переселенцам неплодородной земли, а пьянство было вызвано тем, что их поселили в «старожильческие селения», где уже были кабаки. Объяснение казалось неубедительным.

Однако вблизи Красноярска опять встретились богатые селения. Земля прекрасная; занимаются скотоводством, ведут обширную торговлю скотом и другими товарами со степными народами. А недалеко от Читы «водворились трудолюбивые кавказцы. Их здесь считается до 400 семей. Лучшие земледельцы».

В Екатеринбурге Сперанский посетил Верхне-Исетский завод графини Строгановой. Завод ему понравился: «Величайший порядок в устройстве. Льют чугун, выделывают разные чугунные вещи... по прекрасным рисункам. Делают сортовое

⁹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1950. Т. I. С. 329.

железо. Лют медь. Применяют паровую машину». Работают на нём собственные мастеровые и свободные по найму.

Впечатление от посещения монетного двора и от фабрики было удручающим. «Получается нечисто: всё бедно; машины плохие. Шлифовальная фабрика не лучше. Всё производится трудом, усилием и чрезмерно продолжительным временем. Минц-кабинет бедный и в совершенном беспорядке; мраморный образцовый и минеральный – тоже. Всё падает и валится».

Берёзовские золотые промыслы в 15 верстах от Екатеринбурга, разрабатываемые с 1754 г.: «Всё в большом неустройстве и крайней ветхости, по недостатку средств. Все здания суть развалины». Сперанскому показали процесс выработки золота, которого добывают до 18 пудов. Содержащий золото песок лежит в одной-двух сажнях от поверхности. «Золото в песках добротнее и чистотою и цветом. Попадают куски в полфунта, иногда и более».

Производством серебра занималась Нерчинская горная экспедиция, входившая в ведомство Кабинета¹⁰. Сперанский осмотрел Нерчинский большой завод, а на следующий день – Воздвиженский рудник, в котором добывались серебрясвинцовые руды. На них работали переселенные сюда крепостные крестьяне, приписанные к заводам и рудникам, а также ссыльные преступники и каторжники. Наивысшая выплавка серебра (630 пудов в год) была на Нерчинском заводе в 1774 г., затем в XIX веке упала в среднем до 15 пудов.

В Воздвиженском руднике Сперанский «прошёл около 1,5 вёрст штольной и, наконец, очутился под шахтою, на глубине 34 сажён (примерно 71,4 м – *И. Н., М. Р.*) под землёю». «Что касается самого рудника, то он показался воистину дантовым адом». Он нашёл в крайне жалком положении не одних каторжных, но и заводских крестьян и сами заводы. Покидая Нерчинск, Сперанский замечает, что там, где кончается заводское ведомство, кончается и бедность.

¹⁰ Кабинет Его императорского величества управлял землями, рудниками и заводами, принадлежавшими на правах частной собственности царской фамилии. Доходы от неё поступали непосредственно в казну императорской семьи. См.: Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1932. Стлб. 744–748.

В Барнауле Сперанский собирает ценнейшие верные сведения о характере управления горными заводами, также находящимися в ведении Кабинета. Он сообщает министру финансов о своих наблюдениях и недостатках, устранение которых будет способствовать расцвету промышленности, хоть «металлы составляют только часть внутреннего достоинства Колыванского края».

Торговля. Развитие промышленности, увеличение числа городов, заводских и рудничных посёлков, а также обеспечение проезжающих по Московскому тракту обусловили расширение местного производства и торговли.

Цены на съестные припасы (хлеб, говядина, масло) в Барнауле были значительно ниже, чем в Иркутске. Барнаульские, бийские и кузнецкие купцы вывозили свои товары помимо Сибири в города Европейской России и в портовые города. «Масло здешнее есть лучшее и идёт большею частью в Таганрог; сало же и прочее большею частью к Архангельску, а иногда в Петербург. Купцы торгуют салом, кожами и маслом. Кожи ставят в Семипалатинск; сало и масло — в Ирбит. Возят всегда сухопутно; в возврат берут бумажные товары. Заводское начальство держит маркитантов, кои продают по таксам. Начальство ссужает их деньгами по 6%».

Производство одежды, обуви и других товаров бытового назначения, орудий труда осуществлялось на заказ. Специальные торговые заведения были редки, находились только в губернских «столицах», старых городах.

Русские промышленные товары (железо и изделия из него, кожи, сукна, а также различные меха) шли в Китай через Кяхту; из Китая ввозились шёлк, бархат, сахар и чай, ставший крупнейшей статьёй импорта. Торговля носила меновой характер и велась без договоров, на слово. По мнению Сперанского, «сия важная часть государственных доходов, сей главный столп Сибири, к сожалению, стоит на самых зыбких основаниях китайской политики». Так, в XVIII веке безо всяких важных причин она прерывалась шесть раз. «Никто не может ручаться за её продолжение. Тут одно ручательство: сила. Но если в Европе и в других частях Азии сила наша исполинская, то здесь она почти ничтожна. Не только

погрозить, но даже и показать вид неудовольствия мы здесь не смеем, и должны терпеть все унижения не только хладнокровно, но даже и с улыбкою».

Помимо этого «торговля имеет ещё другое важное неудобство: ограниченность китайских статей в промене. Наши торговые статьи, в частности, пушные товары, ежегодно возрастают. Напротив, китайские статьи в числе их уменьшаются. Шёлковые материи уже кончились; китайка также почти кончается; остаётся чай, чай и чай». Несмотря на выгоду промена, «одна статья не может вынести всего прилива наших товаров, и бывало, что половину их отдавали почти даром».

Зимой 1819–1820 гг. «наше купечество торговало с особым счастьем. Пушные товары... все променяны удачно. Китайских товаров и особенно чаёв, было более, нежели когда-нибудь». Главная причина успеха: «единодушие нашего купечества» и «утверждение между нашими купцами и китайскими доверия и взаимной вежливости». Сперанский предлагает «продавать купленный чай в Европу, возмещая убытки и возможно получать прибыль», имея в этой торговле преимущества перед Англией.

Начальник на Камчатке и Алеутских островах адмирал П. И. Рикорд полагает, что торговля поможет развитию края, основой которого станет морской пушной промысел. Его необходимо охранять от американских торговцев военно-морскими силами. Торговать можно через Кяхту или непосредственно морскими торговыми судами с южными странами.

Сперанский считает необходимым поддержать эту деятельность. Адмирал Рикорд предоставляет возможность содержать в водах Камчатки и Охотска военно-морские силы. Одновременно он указывает, что А. А. Баранову, бывшему до 1818 г. Главным управителем Русской Америки, «следует сделать два большие упрёка. *Первый*, он сам допустил иностранцев в наши заведения и даже свёл с ними торговые связи. А теперь они усилились. *Второе*, он своим жестоким управлением озлобил природных жителей, и... обесславил компанию». «Под новым управлением Компания примет вид, свойственный просвещённому торговому обществу... связи которой основаны на обоюдных выгодах».

Культура. С первых дней пребывания в Сибири Сперанского и его спутников поразило отсутствие местных газет в больших и малых городах. По приезде в Тобольск он пишет министру внутренних дел О. П. Козодавлеву: «Без чтения можно совсем заржаветь. Не удивитесь, милостивый государь, что слишком рано... вхожу к вам с представлением о типографии. *В Сибири о всех вещах надобно думать годом ранее, нежели в России;* типография здесь необходима».

Сперанский знакомился с местными достопримечательностями. Выехав из Тобольска, он посетил Ивановский монастырь с церковью 1663 г. Недалеко от него «есть место, Старая Сибирь, которое считается станом Кучума». Народ хранит свою историю.

Здесь нет определённого сибирского народа, они все из России: из Холмогор, Устюга, Архангельска, первых здешних промышленников. Он был восхищён образом жизни старожилов: самый язык здесь примечателен по своей древности.

Подъём грамотности, культуры он считал обязательным условием. Сибири предстояло стать, был уверен Сперанский, процветающей территорией России. Здесь есть для этого все условия, не хватает только знающих людей.

Образованные люди, приезжавшие в Сибирь, часто уезжали через 2–3 года из-за отсутствия необходимого культурного общества. Сперанский обращает внимание на недостаток учебных заведений: во многих городах нет училищ, гимназий. Грамотность населения низкая. Неудивительно, что у него возникла мысль о необходимости учреждения в Сибири университета. С целью закрепления в Сибири управленческих кадров чиновникам полагались льготы: они могли без сдачи экзаменов шагнуть на ступеньку к заветному чину коллежского асессора. Получив его, чиновники часто уезжали. Следовательно, «служба здесь требует других правил и других поощрений», а систему эту ещё предстояло выработать.

Сперанский с удовольствием принял петербургских морских офицеров, направлявшихся в экспедицию к берегам Ледовитого океана, и помог в её подготовке. Несколько позже морской министр просил его принять участие в подготовке

двух экспедиций, направлявшихся на исследование земли, лежащей к северу от устья Колымы.

В те же дни прибыла в Иркутск и новая пекинская миссия. Сперанский дал им совместно прощальный обед: «На одной стороне сидели архимандрит и свита его, на другой – трое морских офицеров, отправлявшихся на Ледовитое море». И те, и другие оставляли Отечество на пять и более лет¹¹.

Иркутяне надолго запомнили «эпоху Сперанского», в том числе и по внешним её проявлениям. Он завёл общественные собрания, на которых происходили блистательные балы, маскарады. «Раз в неделю, – рассказывал в письме к дочери Сперанский, – по воскресеньям танцуют и кто же? – большею частью купчихи и их дочери». «При нём было человек двадцать свиты, в числе их несколько молодых петербургских людей», они и вносили в жизнь Иркутска новый дух. В среде новых людей, окружавших генерал-губернатора, рождались непривычные иркутянам идеи¹². Сибиряки учились быть свободными, какими были встарь.

Завершение поручения

22 марта 1821 г. Сперанский возвратился в Петербург. Император находился в поездке за границей. Возвратился он 26 мая 1821 г., но принял Сперанского только 6 июня. Приём оказался прохладным. Тем не менее для рассмотрения отчёта по сибирской ревизии указом от 28 июня 1821 г. был учреждён особый Комитет. Михаил Михайлович на недолгое время сделался опять доверенным лицом императора.

Это придало Сперанскому новые силы: он занимается подготовкой материалов для работы Комитета. Необходимые ему черновые наброски пришлось привезти в Петербург на подводах. Заседания открылись в начале августа в Царском Селе. Вопреки опасениям, Комитет одобрил все его предложения.

В отчёте о ревизии края Сперанский предлагал начать преобразование «с удобнейшего самих губерний разделения» на Западную и Восточную Сибирь. Оно во многом основывалось

¹¹ Ермолинский Л. Л. Михаил Сперанский. Иркутск, 1997. С. 279.

¹² Ермолинский Л. Л. Указ. соч. С. 275.

на анализе развития края, подготовленного Батеньковым. В проекте учитывались все «удобства» населения, горного промысла, путей сообщения, продовольствия и торговли, гражданского управления, пограничных постов. Рациональное разделение основывалось на правильно понятых экономико-географических данных и предполагало для Западной и Восточной Сибири свою земледельческую базу и благоприятные условия для развития внутрисибирской торговли. Указом 26 января 1822 г. Сибирь была разделена на Западную и Восточную с административными центрами в Тобольске и Иркутске.

Предлагалось заменить натуральные повинности денежными, отменить дорожную повинность. Для ремонта дорог создать специальные бригады из ссыльных, содержащихся за счёт земских повинностей. Замена натурального ясака денежным налогом формировала условия для развития товарно-денежных отношений в хозяйственной жизни местного населения. Отживающие феодальные отношения заменялись буржуазными.

22 июля 1822 г. Александр I утверждает проект Сперанского: «Учреждения для управления Сибирских губерний». Став законом, они сыграют заметную роль в судьбе отдалённой окраины России.

Образ действий Сперанского, его привлекательная личность оставляли отрадное впечатление у местного населения. После того, как генерал-губернатор покинул Сибирь, в памяти сибиряков ещё долгое время сохранялось его уважительное отношение к тем, кто много трудился на благо своего края. Влияние его деятельности сказывалось на многих сторонах сибирской жизни, особенно в организации местного управления.

И Сибирь сохранила душевную память о невиданном прежде начальнике края.